

—.....Я не голоден, — сказал Янь Хан.

— Ну и не ешь. Завтра на работу, ложись спать пораньше, — Папа вошел в комнату.

Янь Хан постоял в гостиной несколько секунд, затем вернулся в свою комнату, взял сменную одежду и собрался в душ. В голове царил сумбур, нужно было помыться, чтобы привести мысли в порядок.

Или вообще не приводить.

Все равно что убираться в доме: свалил вещи в коробку, захлопнул крышку — и ладно. А что там внутри, в каком оно состоянии — об этом можно подумать, когда однажды случайно откроешь крышку.

Когда он, прихватив одежду, вышел в гостиную, Папа как раз выбирался из своей комнаты с тем же намерением.

Он посмотрел на Папу, Папа посмотрел на него.

Секунда — и они одновременно рванули к ванной.

Янь Хан был быстрее, но Папа действовал куда жестче.

Если быть точным — беспринципнее.

Только рука Янь Хана коснулась дверной ручки, как сзади Папа ухватил его за пояс брюк.

Рванул назад так, что вместе с брюками потянуло и нижнее белье.

— Эй! Старый Янь, ну ты и бессовестный! — Янь Хан почувствовал, что вот-вот засветит всем свою пятую точку.

— Сам ты старый! — Папа продолжал тянуть его назад.

Янь Хан был вынужден одной рукой вцепиться в дверной косяк, а другой придерживать штаны:

— Я ведь твой сын!

— Теперь-то ты вспомнил, что я твой папа, раз нужно место в туалете отвоевать? — Папа отпустил его.

Но не успел Янь Хан сделать шаг внутрь, как Папа обхватил его поперек пояса, а затем сжал запястье той руки, которой он держался за дверь.

Руку пронзила острая ломота, Янь Хан охнул и разжал пальцы.

Этих двух секунд хватило Папе, чтобы отшвырнуть его в сторону, заскочить внутрь и захлопнуть дверь.

— Ну ты даешь! — Янь Хан постучал по двери.

— Урок усвоил? — слышался изнутри довольный голос Папы.

— Тягать за штаны — это ты называешь «урок»? — Янь Хан размял запястье и сел прямо у

входа в ванную; рука все еще неприятно ныла.

Впрочем, этот прием у него самого всегда выходил коряво, не удавалось уловить нужный момент.

Несколько раз бывало, что человек отпускал ручку только тогда, когда ему становилось по-настоящему больно.

В таких делах ему, пожалуй, никогда не сравниться с Папой — старым тертым калачом.

Старым тертым калачом.

Правда?

Наверное.

Сирота, который даже не знает, откуда он родом. В то время, когда другие беззаботно наслаждались жизнью, он размышлял лишь о том, как выжить.

За все эти годы Папа сделал так, чтобы Янь Хан рос, не зная бед, как будто парил в облаках. Янь Хан смутно догадывался, что это за человек и на что он способен.

Он умел читать людей и умел притворяться.

Сегодняшнее выражение лица папы Чу И Янь Хан заметил сразу, Папа не мог этого не увидеть.

То, что Папа проигнорировал эту деталь и просто сказал, что они видятся впервые, не было похоже на его обычное поведение: обычно он пользовался случаем, чтобы проанализировать значение подобной реакции.

Так что Папа вполне мог сказать неправду.

Но, судя по опыту, который Янь Хан накопил за годы жизни с ним, вариант, что они действительно не знакомы, тоже нельзя было исключать.

Папа Чу И был из тех людей, которых не заметишь, даже стоя с ними рядом. Даже если перебросишься парой фраз, на следующий день уже забудешь, как он выглядел.

Янь Хан закурил.

Многие вещи он не хотел обдумывать, стараясь быть как травинка, которую Папа посадил в горшок, оберегал и повсюду возил с собой, любуясь пейзажами. Единственное, что его тревожило — а что, если тот, кто носит этот горшок, однажды внезапно исчезнет?

И все же он не мог удержаться от раздумий. День сменял день, и это беспокойство уже нельзя было просто отложить в сторону.

Долго просидев в оцепенении, он бросил в урну давно погасший окурок.

Папа, возможно, действительно не знал папу Чу И в лицо, но он наверняка появлялся там, где тот мог его видеть, и сделал что-то такое, что позволило папе Чу И при встрече сразу его узнать и измениться в лице.

Папа открыл дверь ванной и, увидев его, замер:

— Ты что, в очереди стоишь?

— Обидно, что не удалось первым принять душ, — ответил Янь Хан.

— Иди мойся, раз обидно — мойся подольше, — Папа с улыбкой потрепал его по волосам, бросил сменную одежду в корзину и ушел в гостиную.

Когда Янь Хан вышел из душа, Папа сидел на диване с закрытыми глазами — то ли спал, то ли просто отдыхал.

— Чу И сказал, что придет завтра. Смотри не уйди никуда, — сказал Янь Хан.

— Не волнуйся, — Папа улыбнулся, не открывая глаз. — Я же говорил, что в ближайшее время из дома ни ногой.

Янь Хан вернулся в комнату, вставил наушники и лег в кровать.

На телефоне висело сообщение — от Чу И.

Фотография.

Красный круглый камень, который сегодня выбрал Папа, — в нем уже просверлили отверстие.

— Ты решил работать без выходных?

Чу И тут же прислал еще одно фото: тот же красный камень, уже на красном шнурке. Но шнурок не просто продет в одну петлю — это была двойная нить, образующая «икс» и завязанная узлами по бокам камня.

— Прodelал две дырки?

— Угу, крест-накрест. Так можно продеть два шнурка, надежнее. Завтра просверлю ту черную, добавлю еще один шнурок.

— Хорошо.

Янь Хан посмотрел на черный камень у себя на щиколотке и вздохнул.

Такое усердие Чу И вызывало у него двойные чувства. Его беспокоило, что этот парень, привыкший выкладываться на полную, если кто-то проявит к нему хоть капелюк доброты, однажды может сильно пострадать.

Впрочем... человек, выросший как Чу И, должно быть, уже обзавелся сердцем из алмаза.

— Вечно ты о чем-то печешься, — Янь Хан подложил руку под голову и закрыл глаза.

Хорошо, когда удается уснуть. Но плохо, когда во сне постоянно видишь кошмары.

Особенно если в них нет ничего хорошего.

Он бежал в темноте вслед за Папой и какой-то женщиной. Было очень холодно, и было страшно.

Он изо всех сил пытался бежать быстрее, чтобы сократить дистанцию, хотел рассмотреть лицо

Папы, лицо женщины, но до них всегда оставалось несколько шагов.

Впереди показался силуэт.

Лицо не разглядеть.

Но он точно знал, что это папа Чу И.

Взмах руки.

Нож.

Все вокруг залито кровью.

Когда Янь Хан с трудом открыл глаза, он все еще слышал свое частое дыхание, а сердце колотилось, словно барабан.

Он долго лежал, уставившись в потолок, прежде чем пришел в себя.

Уже рассветало.

Ну, хоть несколько часов поспал — он похлопал себя по голове, пытаясь утешить.

Повалявшись еще немного, он оделся и вышел из комнаты.

Только дойдя до гостиной, он вздрогнул от неожиданности: на подоконнике сидел человек, скрестив ноги.

Хотя и так было понятно, что это Папа, поза «древнего бессмертного, творящего магию» выглядела довольно необычно.

— Обнаружил, что утром здесь, у окна, воздух свежее, — сказал Папа. — За окном моей комнаты кто-то жарит пончики, с четырех утра уже стоит запах гари.

— Хочешь поменяться комнатами? — Янь Хан подошел к нему и выглянул наружу. — Удивительно, что при такой необычной утренней зарядке никто не остановился полюбоваться...

Он не успел договорить, как кто-то остановился.

— Кто сказал «никто»? — Папа указал на Чу И, который весело выбежал из-за угла. — Видишь? Сейчас как раз остановится.

Чу И выглядел бодрым, шагал легко.

Однако, как только он завернул и увидел сидящего на подоконнике Папу, явно опешил и замер на месте.

— Вот и остановился, — Папа щелкнул пальцами и протянул руку к Янь Хану.

Янь Хан достал из пачки арахис и положил Папе в ладонь.

— Не жадничай, — Папа не убирал руку.

Янь Хан цокнул языком, вытащил из кармана пятьдесят юаней и выменял их на горсть арахиса.

— Малыш Чу И! — Папа с довольным видом убрал деньги и окликнул его. — Чего застыл?

— Дядь, — Чу И подошел и встал перед окном. — Ты, ты чё делаешь? Прямо как, как картина.

Янь Хан не удержался и рассмеялся.

— И даже, в рамке, — неторопливо добавил Чу И, растягивая слова.

— Сейчас я тебе дам! — Папа, смеясь, прыгнул с подоконника. — Завтракал? Заходи, перекусишь с нами?

— Ел, — сказал Чу И и посмотрел на Янь Хана. — Но, но не наелся.

— Будешь сэндвич? — спросил Янь Хан.

— Буду, — кивнул Чу И.

Сэндвич приготовить несложно. Янь Хан открыл холодильник, в голове быстро промелькнул список продуктов: огурцы, яйца, ветчина, сыр и пакет цельнозернового хлеба. Сойдет.

<http://bllate.org/book/18095/1738885>